

*Светлой памяти
моей бесконечно любимой мамочки
посвящается.*

Утро было недобрим.
Настолько, что хотелось от всей широты души пожелать просыпаться таким вот образом моим врагам, но даже им не каждый день, не настолько уж я кровожадна.

Врагов у меня не имелось, по крайней мере явных, о которых бы мне было доподлинно известно, поэтому посыл остался без конкретного адресата и пропал попусту.

О господи, как же хреново-то!

Лучше бы совсем не просыпаться!

Болело абсолютно все, даже не болело, а ныло эдаким нудным стоном-жалобой, и еще эта дикая слабость, какая-то такая безысходная, словно размазывающая меня по поверхности кровати, а заодно и по жизни как таковой.

О-й-й-й... Чтоб тебя...

И за каким, скажите на милость, я проснулась? Ведь так хорошо спала, практически в беспамятстве!

А проснулась я от жажды. Серьезной, солидной жажды до склеивания и высушивания всех внутреннихностей.

— Надо встать, — прокаркала я севшим голосом.

И осмотрелась, в удивлении обзревая свою спальню — я ли это вообще произнесла, настолько чужим показался мне собственный голос.

А вот проявление такого активного любопытства было крайне опрометчиво! Не надо было головушкой-то крутить, ой, не надо! В ней, в смысле в голове, родимой, что-то ощутимо сместилось, булькнуло, выстрелило острыми иглами в разные стороны и растеклось по черепушке приступом боли.

— О-й-й-й, ё..! — простонала я и ухватилась за головушку многотрадальную обеими руками.

За что ж мне такое наказание-то, а? Ладно бы напилась накануне в хлам распоследний до тяжелой формы алкогольной абстиненции — понятны оказались бы столь плачевные последствия, да и не так обидно, к тому же честное признание самого факта, что страдаю и расплачиваюсь я за дело и полученное накануне удовольствие, примиряло бы с трудной действительностью поутру! Но полбокала шампанского — и такая вот фигня!.. Это, знаете ли, не просто обидно, это какая-то мировая несправедливость!

Ладно, хватить ныть, успею еще, а вставать все же требуется — помимо жажды явственно заявила о себе и другая, ровно противоположная, но столь же жгучая насущная необходимость расстаться с невостребованной организмом жидкостью.

Мама дорогая, как же мне встать-то?

— Поэтапно, — посоветовала я себе чужим голосом. И приступила к осуществлению рекомендаций.

Сопровождая каждое действие стоном, вялым поругиванием, жалобами на жизнь и судьбу-злодейку, я первым делом перевернулась на бок. Полежала, пережидая, когда закончится головокружение, вызванное этим нехитрым движением.

— И какого хрена я не осталась в больнице? — попеняла я себе ворчливо. — Лежала бы спокойненько в палате, кнопочку нажала, и сестричка какая медицинская, раз и прибежала с горшком. Или как эта фигня у них там называется?

Ну, вот не осталась, дурында этакая — домой, домой все рвалась, теперь обходись без кнопочки волшебной и доброй медсестрицы с белым горшком в руке.

Самостоятельно.

Так! А самостоятельно мы сейчас ножки с кровати спустим — и-и-и, ну-ка... Ну-ка, получилось не так бодро, как предполагалось, но ножки я таки спустила с кровати. Теперь предстояло более сложное действие с непредсказуемыми последствиями — сесть...

Я набралась храбрости, сколь могла, выдохнула и, придерживаясь за края кровати, перевела свое тельце из полугоризонтالي в полувертикаль.

И пое-е-е-ехала моя головушка в путешествие, в мировое турне я бы сказала — вау-вау-вау — кружилась комната.

В голове стреляли иголки боли, во рту... — лучше даже не думать, что там у меня во рту творится, и не знать никому!

Кругоземка в голове постепенно закончилась, мне даже удалось разлепить глаза и пожелать себе мысленно успеха в следующем этапе — подъеме с кровати.

Вдохнув поглубже и жалобно-скорбно выдохнув, ухватившись одной рукой за изголовье, второй за борт кровати, я, как та птица, набралась гордости и...

И, как ни удивительно, сумела подняться с первой же попытки!

О, как!

Чувствуя себя практически олимпийской чемпионкой, ну по крайней мере определенно героиней, я сделала первый пробный шаг к двери, и ничего — шагнула! В голове булькало и колело, от слабости дрожали руки и ноги, подгибались коленки, во рту... ну это лишнее — а таки шагнула!

И так вот шаг за шагом, буквально *step*, как говорится в нашем английском, *baу*, как говорится там же, *step*, понимаешь ли, я пошкандыбала вперед, придерживаясь за все подряд — стены, мебель, двери, по дороге пытаюсь определиться, что в моих потребностях приоритетнее в данный исторический момент — пить или, пардоньте-с, наоборот.

Наоборот перевесило, к тому же туалет находился ближе, чем кухня по пути моего следования.

О! А там еще предстояла процедура усаживания на унитаз с последующим подниманием с него же! Тоже из разряда экстремальной утренней зарядки.

Но то ли я «расходилась» уже, то ли тельце немного приспособилось к действительности, начав свыкаться с ней — еще не смирилось, а пока только приспосабливалось.

Оказавшись в кухне, я не бросилась пить, не вовремя остановленная воспоминанием о четких инструкциях и наставлениях доктора — пить как можно больше воды и вообще жидкости, а в первую утреннюю чашку, непременно теплую, добавить несколько капель лимонного сока.

Так — осмотрев от двери любимую кухню, подумала я и... развернувшись, отправилась в ванную чистить зубы — вливать в такой рот чистую воду мне казалось чистым кощунством и надругательством над организмом.

В зеркале над умывальником отразилась незнакомая дамочка со спутанными волосами, впавшими глазами с темными кругами вокруг них, пересохшими бледными губами и заострившимся носом и скулами.

Ужас какой, господи!!

Чур меня, чур!

В зеркало, старательно начищая зубы, я больше не смотрела.

Вот точно — расходилась как-то, раздвигалась, и уже чуть живей, чем ходячий труп, практически поспешила в кухню торопливым шарканьем, не забывая держаться за стены и мебель.

О, вода, да с лимончиком!! У-м-м!

Есть!! Есть-таки в жизни мгновения счастья!

Выпила две большущие кружки, испытывая наслаждение. Класс!!

Так — поставив пустую кружку на столешницу, поинтересовалась я мысленно у себя — и что дальше?

Душ! Ну, конечно, душ! Надо срочно смыть с себя всю эту слабость и вчерашние мытарства!

Сначала я просто стояла, упершись руками в стену и свесив несчастную головушку между ними, потеряв счет времени под горячими живительными струями воды, практически согласившись мысленно с тем, что существует в природе «живая» вода.

А потом все же отлепилась от стены, с большим трудом, но помылась и даже смогла, выбравшись из душа, высушить феном волосы — говорю же, чемпионка, героиня дня!

Но предательская слабость напомнила о себе, догнав, когда я вышла из ванной — под коленками вдруг стало зыбко и холодно, ножки задрожали и принялись произвольно подгибаться при каждом шаге, при-

шло по стеночке, по стеночке, с передыханием дошкандыбать до кухни и рухнуть на стул у стола.

Я облокотилась на столешницу, свесив голову забубенную — тело мелко тряслось от накрывшего неожиданно и стремительно приступа слабости. Тряслось противно, мелко-мелко, безостановочно и как-то предательски, что ли? Вот ведь под горячим душем казалось, что жизнь наладилась, а тут эта слабость накатилась, ну вот как так?

Тут мне весьма своевременно вспомнилась очередная рекомендация врача — крепкий, настоящий, лучше дорогого сорта, черный горячий чай и овсяная каша. На воде! Без сахара и без масла, только немного соли.

У меня есть прекрасная правильная до невозможности овсянка из пророщенных зерен!

Мне удалось уговорить себя подняться и заняться делом — ну, действительно, надо как-то заканчивать с этим дурацким состоянием!

И, что удивительно, пока я возилась с завтраком — варила кашу и делала себе чай, как-то на самом деле полегчало, а когда принялась есть, так и вовсе попустило ощутимо.

— Не! — почти довольно похвалилась я, шумно отхлебывая душистый горячий чаек из своей любимой большой кружки. — Правильно сделала, что из больницы слиняла! Что нам та больница, дома-то как хорошо! — И вздохнув, как довольная бабулька, повторила: — Правильно!

— Ну, что, — закончив с чайком и кашей, почувствовав робкий прилив сил, спросила я у себя куда как бодрее прежнего, я бы даже сказала: с большой долей оптимизма, — какие планы?

Сегодня планы могут быть только одни — отлежаться, приходиться в себя, пить как можно больше жидкости и восстанавливать здоровье, как настоятельно рекомендовал мне замечательный доктор Тарас Наумович Шабалин.

Ну, восстанавливать так восстанавливать — залягу с книжкой и ноутбуком в гостиной на любимом уютном диване на весь день — красота! Хотя телик смотри, щелкая каналами, хоть читай, хоть в сетях зависай, и все на законных основаниях — поправляем неожиданно и грубо подорванное здоровье.

Завтра тоже валяться буду — решила я! А что — отдыхать так отдыхать, набираться, так сказать сил, так набираться! Ничего, подчиненные справятся и без меня пару деньков. Им не впервой, а мне приятно.

Кстати, насчет подчиненных — надо бы их оповестить о неожиданном недомогании начальства. И я позвонила неизменному директору нашей сети и моей правой руке — Оксане Викторовне Истоминой, даме во всех смыслах выдающейся и необыкновенной.

— Доброе утро, Кира Андреевна, — чинно поздоровалась Оксана.

— Кому как, — не разделила ее оптимизма я.

Сообщила о своей болезни, не вдаваясь в подробности, каким именно образом ее получила, и уведомила о своем отсутствии в ближайшие два дня.

— Не беспокойтесь, Кира Андреевна, спокойно лечитесь и выздоравливайте. Вы же знаете, все будет в порядке, я прослежу, — четко пообещала она.

Вообще, Оксана Викторовна это отдельная тема — интереснейший человек и личность, и если она обещает, что за всем проследит, можно быть абсолютно уверенной: так и будет.

— Спасибо, Оксана Викторовна, — поблагодарила я искренне, но и расслабляться не дала. — Звоните, держите меня в курсе текущих дел.

— Обязательно, — пообещала повторно та и поинтересовалась, нужно ли мне что-нибудь.

А вот бог знает! Может, и нужно, я пока не соображу. Пообещала ей сообщить, если что понадобится, и с довольным сердцем отключилась.

Ну, что? Берем подушку, пледик кашемировый уютенький, книжонку — я недавно купила детективчик любимой писательницы, так за делами еще и не начала читать — вот в самый раз сейчас! И с удовольствием!

И что? — на диванчик! Хорошо!

Я распахнула дверь, сделала пару шагов в гостиную и... и словно налетела на невидимую стену — дернулась всем телом, мгновенно почувствовав, как холодная волна страха, пробежав по позвоночнику, ударила куда-то под колени, грудь одновременно ошпарило, как кипятком, а сердце, бухнув гулко, тяжело и быстро застучало. Я придушенно вякнула что-то нечленораздельное, расширенными глазами уставившись на незнакомого мужика, сидевшего в моем кресле...!!

На полноценный крик или какое высказывание в стиле «кто вы такой?» или «что вы тут делаете?», на худой конец более продуктивного «помогите!» сил у меня не обнаружилось.

ЭТО КТО ТАКОЙ?! И КАК ОН ТУТ...?! На самом-то деле!

Высокий, стройный мужик, скорее моложавый, чем возрастной, в дорогом костюме стального цвета, в великолепных ботинках от известного дизайнера, на лежавшей на подлокотнике левой руке из-под края рубашки с золотой запонкой выглядывали явно

настоящие швейцарские часы не менее известной во всем мире фирмы — богатый такой, упакованный дядечка.

А на его ослепительно белой, опять-таки повторяю: жутко дорогой рубашке, слева от дизайнерского галстука красовались две небольшие красные дырочки... — входные пулевые отверстия, вид которых вызывал большие сомнения в том, что он ответит на мои недоуменные горячие вопросы.

Может, он еще жив, трусливо подумалось мне, пока я с большим сомнением всматривалась в его бледное застывшее лицо.

— Эй! — позвала я мужика сдавленным сипом, кашлянула и добавила немного смелости в свои намерения: — Эй, мужчина, вы кто?

Мужик предсказуемо не ответил на мои слабые попытки установить контакт.

На кого-то он похож, подумалось вдруг мне? Что-то смутно знакомое, неуловимое?

Ладно, это пофиг, на кого он там похож, а вот жив ли, надо бы проверить.

— Ты что, сбрендила? — ругнулась я на себя сильным шепотом. — Как проверить?

Как-как?! И идиоту понятно, что проверить можно только одним способом...

Как сказал Сенека: «В беде следует принимать опасные решения!» Я сейчас определенно в беде, а опасное решение... Это как раз подойти к этому чуваку и что-то там на нем потрогать!

Бляха, как говорится, муха! Не хочу я его трогать!! И пошел этот Сенека вместе с этим мужиком, но...

Но я заставила себя сдвинуться с места и эдак сторожко, с замиранием и готовностью в любой момент сбежать, мелкими шажками подобралась к креслу, не

сводя с лица незнакомца внимательного взгляда. Протянула медленно и нервно руку к его запястью и попробовала нащупать пульс...

Что там щупать — мужик был глухо и безнадежно мертв, причем уже несколько часов точно, поскольку успел остыть и стал... как бы это сказать: малогнущимся, что ли.

Как-то все это слишком пугало своим натурализмом!

— И какого хрена я не осталась в больнице, а?! — пискнула я, жалея себя ужасно и желая прямо сейчас, в этот момент, оказаться в каком угодно месте, кроме собственной гостиной!

Именно сейчас до меня наконец с запозданием начало доходить истинное положение дел во всей своей очевидности — и вот тут-то меня накрыло с головой!! Догнало, можно сказать, полным осознанием!! Да еще как!!

До сих пор с трупами, так сказать «натюрель», мне не приходилось сталкиваться воочию, в теории, хотя и довольно обширной, а с трупами неизвестных чуваков в собственной квартире так и подавно!!

Мне вдруг стало жутко холодно, а потом резко жарко, и неожиданно я разозлилась... да так... что новизна впечатлений произвольно вырвалась из меня в непечатных выражениях, но от души:

— ...! Йо-о-о-о...дистый калий!! — проняло меня, но не удовлетворило суррогатом крепкого русского словечка, отводящего душу, и я добавила по полной программе: — Твою ж мать!! ....!!

По-хорошему, надо было поорать, может, и повизжать, истерично прижимая ладошки к губам — так, чисто по-женски, по-бабьи, — психологи и просто знающие люди утверждают, что помогает при стрессе.

— А-а-а-а... — глухо, без огонька и задора на одной низкой ноте протянула я, посматривая на мертвеца, даже не приблизившись к звонким верхним нотам настоящей добротной истерики.

И махнула рукой — не, это не наш метод — фигня. Визжать не стану — бесполезняк пытаться — никогда не умела и не стоит начинать. К тому же на меня, видимо, напал, как его там, этот... — ступор, наверное.

Или невидимо. Или не напал и обошлось? Или после экспрессивного высказывания меня попустило немного?

— Да господи, о чем я думаю?! — скривилась я от собственной заторможенности и ерунды, которая лезла в голову, посмотрела повнимательней на мужика убиенного и задумчиво спросила молчаливого оппонента: — Кого же ты мне все-таки напоминаешь, удачливый ты наш? И как ты, черт тебя возьми, здесь вообще образовался?!

Хороший вопрос, неплохо бы найти кого-нибудь, кто дал бы на него доходчивый ответ.

А сейчас... Я тяжело вздохнула, доставая телефон, и проворчала:

— А сейчас неизбежное: звонок в полицию, — и набрала экстренный номер.

Что-то щелкало-переключалось в трубке, потом пошли длинные гудки, всего парочка штук, и мне ответили, четким мужским голосом уведомив, что я звоню в какой-то там общий центр или еще что, мне в тот момент непонятное, но таки в полицию, это мой мозг зафиксировал отчетливо. Затем в трубке представились и поинтересовались, что у меня произошло.

— У меня труп, — громко и тяжело вздохнув, призналась я.